

Андрей Гордеев

Пастух

Рыбак-пижон

В русло нашей маленькой речки вкопана бетонная труба. По этой трубе шоссе проложено. С ранней зорьки подтягиваются сюда рыбачки. Пёстренькая компания всех возрастов в стареньких курточках. Поговаривали в народе, что раньше здесь хорошо клевало. Место вроде размыто, да и стремнинка. Но вот в последнее время местным рыболовам, прямо скажем, не фартило. Хоть и собиралась по утрам прикормленная к месту тусовка, но рыба на крючок не шла. И уже которую неделю, как ни исхитрялись местные любители, не везло никому. Вот так сидели каждый день они и молчали упорно, чтобы рыбу не вспугнуть. А кого вспугивать-то? Некого.

Этим памятным утром молодой бизнесмен Сазонов выехал от любимой девушки в прекрасном расположении духа. На сердце было легко и весело. Прохладный утренний ветерок обтекал плавные обводы его кабриолета. И одет он был, как сам шутил, «по Сазону», и богат, и весел, при всём при этом ещё и свободен. Сочетание довольно комфортное. Он не ехал, он плыл по волне приятных эмоций. Мимо проносились живописные летние пейзажики. Вот коровки от бычка бегают, а там травка душистая колышется. Приятненько! А вон там вдалеке у речки рыбачки сидят. Ссутулились в своих телогреечках. А ведь в багажнике совершенно случайно валяется купленный в телемагазине микроспиннинг. Неопробованная штука. Красивая вещь, но наверняка бесполезная. А речка всё ближе и ближе. А настроение всё веселее и веселее. А почему спиннинг должен пылиться в багажнике? «Стоп машина», — решил Сазонов, плавно надавив на тормоз. Время рыбалки!

У бетонной трубы по-прежнему стояла мёртвая тишина. Рыбацкий народок совсем пригорюнился, безнадежно вглядываясь в свои поникшие поплавки. Даже местные кошки, обычные для таких сборищ, покинули насиженные места и, зевая, отправились ловить мышей на поля. И вдруг среди всего этого уныния произошло нечто! Белый кабриолет класса люкс, будто летающее блюдце, приземлился рядом с ошалевшими от неожиданности рыбаками. Из бесшумно открывшейся

двери на землю ступил «денди» в белом костюме и широкополой шляпе того же цвета. Белые туфли и носки тоже не вносили в эту палитру разнообразие. Это был бизнесмен Сазонов во всей красе. Плавно открылся автоматический багажник, из которого он извлёк странный блестящий прибор и двинулся в сторону уже совсем припугнутых рыбачков. Щёлкнула кнопка, и прибор превратился в короткий спиннинг с разноцветной блесной. В глазах завсегдатаев речки испуг сменился интересом, а некоторые даже нашли силы улыбнуться.

«Нету тута рыбы, сынок!» — начал было старик Михалыч. Но Сазонов даже не удостоил его взглядом. Аккуратненько ступая белыми туфлями по сырому песку, он умело размахнулся и сильно метнул блесну прямо в середину бурлящего потока. Раздался всплеск, и леска тут же натянулась струной. По изгибу спиннинга было видно, что на крючке очень крупная рыба. Она водила леску туда-сюда, всё пытаясь сорваться, но старик Михалыч уже сбегал за валяющимся в стороне сачком и теперь шумно суетился, помогая Сазонову доставать добычу. Через минуту борьба прекратилась, и на блесне забилась здоровущая щука, килограмма на три. Сазонов аккуратно, дабы не запачкаться, снял хищницу с крючка, небрежно кинул в багажник, щелчком кнопки собрал спиннинг, вытер руки носовым платком и спокойно сел за руль.

Компания оцепенела от фантастического зрелища. Первым пришёл в себя старик Михалыч. «На что ловишь, сынок?» — крикнул он вслед белоснежному «денди», который уже завёл двигатель своей машины. «На удачу ловлю, отец! — ответил Сазонов, глядя куда-то вдаль. — На удачу, и только на неё!» — и, улыбнувшись, лихо газанул перед ошалевшей толпой и исчез за поворотом.

Долго ещё обсуждали меж собой мужички это происшествие. А старик Михалыч сразу начал сматывать удочки, тоже задумчиво поглядывая вдаль. «Ты-то куда собрался, старый?» — поинтересовался кто-то. «Пойду-ка и я, ребята, удачу поищу, — улыбнулся он. — Без неё никакой рыбы не будет!». И пошёл, сгорбатившись, в сторону винного магазина.

Пастух

Моя первая запись в трудовой книжке гласит о том, что её обладатель начал свою карьеру с должности пастуха. Вообще-то звучало это как «гуртовщик», «загонщик крупного рогатого скота», но, имея пасторальную душу, я настоял в отделе кадров на простой и красивой записи «пастух», чем до сих пор несказанно горд.

Очень рано утром, надев то, что было под рукой, я поспешил на автобус, развозящий рабочих по колхозным фермам. В этом автобусе все были друг другу свои в доску. Моё громкое приветствие вызвало необычайный интерес среди тружеников. Они скептически оглядывали с головы до ног нелепое убранство нового пастуха. Широкие полосатые штаны мои были заправлены в кирзачи, а на старую красную байковую рубашу надета чёрная стёганая безрукавка. Серьга в ухе, борода и кепка «гаврош». Кто-то из рабочих громко приревел: «Ну, братцы, смотрите, цыган за Буянку пришёл!» — «Давно пора хулигана обуздать! Кусается, брыкается!» — вторила ему дородная дюряка. В этот момент я понял, что приобрёл одновременно и прозвище, и занятие.

Сонный бригадир выдал мне седло и уздечку, протянул потник и кнут, и я, с не очень хорошим предчувствием, вышел в загон. Там было весело! Другие пастухи уже взнуздали и теперь грели коней, радостно гарцуя по свежесыпанному навозу. Дородные девки, только что отдоившись, теперь сидели на жердях загона и вместе со скотниками лугали семечки прямо под копыта лихих коней. Посреди всего этого великолепия, как символ щедрости природы, стоял огромный размеров сивый конь. То, что это не мерин, было видно с первого взгляда. Если мимо пробежала случайная кобыла, он сразу взбрыкивал своими толстыми сильными ногами и глухо ржал басом, показывая всем здоровые жёлтые зубы.

На занятиях в ветеринарной академии нас учили запрягать, но это были другие лошади: тихие, как лето, они сами подставляли свои морды и спины неумелым студентам. Теперь в загоне меня ждал этот бешеный монстр, вернее, никого он не ждал. Просто конь наслаждался утром, вдыхая холодный ароматный воздух своими широкими ноздрями. А тут я со своими проблемами. Кавалерист! Жокей! Но не зря этого жеребца звали Буянкой, не зря!

Уздечку удалось продеть сравнительно легко. Животное подпустило меня на удивление спокойно, видимо, обалдев от моей решительной наглости. По периметру загона начали собираться зрители. «Смотрите, смотрите! Цыган Буянку седлает!» — зашумели вокруг. Артист в душе, я сразу приободрился, подмигнул одной из дюряк и смело водрузил седло на спину моего четвероногого друга. Конь не шелохнулся. Теперь даже трактористы и слесаря, побросав свои железки, сбегались

к месту проведения нашего родео. В воздухе повисли дымки папирос, а по рядам начали передавать молоко и крепкие спиртные напитки. Перекинув под брюхом и продев в прягу ремень, я принялся затягивать подпругу. Буянка, до этого полностью безучастный к своей судьбе, вдруг засуетился. Прижал уши, оскалил зубы и принялся, как козёл, подпрыгивать на всех четырёх копытах, пытаюсь цапнуть меня за плечо. Я сразу оставил подпругу как есть и, чтобы не потерять своё реноме в глазах собравшихся, лихо, как учили, вскочил в седло. «Он не цыган, он индеец», — пронеслось в толпе. Для начала я хотел пустить Буянку рысцой, для этого слегка дал шенкеля пяткой и приподнялся в стременах. Конь стоял как вкопанный. Я ещё раз послал его, уже покруче. Но мой сивый друг стал деревянным. Троянский конь! Примолкшие на время зрители зашевелились. «Ты его не тем местом посылаешь!» — крикнул кто-то, и вся толпа довольно грохнула. Ну чем я мог ответить на колхозный юмор? Ничем. Поэтому и разозлился, поэтому и принялся орать на несчастное животное.

Буянка постоял, постоял, послушал мои вопли, кивнул гривой и вдруг как бы нехотя мотнул крупом. Нет! Он не вставал на дыбы, не валился на бок, он, как танцор диско, виртуозно вильнул задом, и седло сразу съехало ему на пузо. Затем коварный зверь легко перешагнул через меня, уже лежащего, хитро оглянулся и посеменял рысцой по своим конским делам. А я остался валяться в навозно-опилочной смеси, в красной рубашончке, нелепо разметав по сторонам руки и ноги, ожидая неотвратимого взрыва хохота. Удивительно, но озадаченные крестьяне молчали. В возникшей тишине только лошади брезгливо фыркали своими волосатыми губами да внезапно развеселившийся Буянка заодно отбивал джигу, клацая своими тяжёлыми подковами. И только одна старая женщина всплеснула в застывшем воздухе натруженными руками: «А мне отец-то говорил, примета очень плохая, если цыган с коня свалится, скотина падать будет». И она указала в мою сторону, будто я и был той самой скотиной, а все окружающие в ответ на её прогнозы укоризненно закивали загорелыми лицами.

Остаток дня я провёл на заднем дворе коровника, куда меня сослал сердобольный бригадир, чтобы я научился щёлкать кнутом. Это было необходимо, чтобы управлять бурёнками, но я и в этом не преуспел. Отстрелил себе серьгу, пару раз стегнул по глазам, а когда витой поводок оставил пунцовый след на мягком месте, я понял, что учиться придётся долго. И вот тогда наконец-то в работу вступил мозг.

Когда вечером, за ужином, я рассказал своему младшему брату Вадиму о том, что мне выделили коня, его глаза лихорадочно забегали. А всё дело в том, что среди нашей местной ребятни в этом

сезоне было очень модно объезжать дикопасущихся лошадей из соседнего колхоза. Им за это часто перепадало. Поэтому Вадик сразу просёк фишку и не успокоился, пока не оповестил всех друзей о нашей идее.

На следующий день, рано утром, я оседлал сонного Буяна и, пока никто не видел, отвёл его на задний двор. Там, поёживаясь в утреннем холодке, его с нетерпением встречала банда малаховских ковбоев. Несчастное животное не знало, что его ожидало. Оставив коня на попечение молодёжи, я поспешил на разгрузку силоса, туда, куда меня, за несоответствие с занимаемой должностью, направил опытный бригадир.

В тяжёлых трудах незаметно закончился день. А уже совсем вечером я принял из рук довольных

подростков и отвёл в стойло сухую мумию, которая раньше гордо называлась конём. Буянка сразу жадно бросился к поилке с отсутствующими глазами, а я, улыбаясь, поехал домой.

Утром меня ждал уже совсем другой Буян. Он уже не буянил. Как ласковый хитрый кот подставляет свой загривок, так и он всё стремился угодить. Заискивал и прогибался. Он как будто что-то понял и вёз меня теперь бережно, легко переходя по малейшей команде с рыси в карьер и обратно. Я лихо осадил его перед улыбающимся бригадиром и, не спешиваясь, звонко щелкнул в воздухе кнутом. Бригадир удовлетворённо кивнул. «Сегодня на силос не идёшь. Догоняй стадо, пастух!» — сказал он и зачем-то поставил жирную галочку в своём потрёпанном блокноте.